

Е. М. МАТВЕЕВ

**ЧЕТЫРЕ СЛОВА НА ИНАВГУРАЦИЮ
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ:
М. В. ЛОМОНОСОВ, А. П. СУМАРОКОВ,
ПЛАТОН (ЛЕВШИН), А. М. САЛТЫКОВ**

Инавгурация, т. е. праздник в честь Академии художеств, своего рода ее повторное торжественное открытие Екатериной II, утвердившей устав и регламент этого учреждения, должна была состояться в Петербурге в 1764 г. Первоначально ее предполагали приурочить к годовщине коронации императрицы — к 22 сентября 1764 г. Именно в этот день собирался произнести свое «Слово благодарственное на освящение Академии художеств» М. В. Ломоносов. Слово датируется промежутком времени с 28 июня по 22 сентября 1764 г.¹

Слово выстроено по всем правилам панегирического искусства. Во вступлении автор восхваляет императрицу, радеющую «о благоденствии общества» и пекущуюся «о приращении общих удовольствий торжественным освящением сего важного учреждения».² Далее говорится о той пользе, которую может принести России «трудолюбие художеств» — «архитектурного искусства», «скульптурного художества», «живописных хитростей».³ В центре ломоносовского слова — два панегирика, панегирик российскому народу нового времени, который «яко важнейший член во

¹ См.: Соколова Н. В. [Примечание к работе 276] // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. В 10 т. М.; СПб., 2011—2012. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732—1764 гг. М.; СПб., 2011. С. 1066. Ломоносовское слово впервые было напечатано А. С. Будиловичем (*Будилович А. С. Ломоносов как писатель*. СПб., 1871. С. 303—311).

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 735.

³ Там же. С. 736.

всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия»,⁴ и панегирик Петербургу, один из самых замечательных примеров петербургского панегирика XVIII в. Риккардо Николози справедливо отмечает, что в русской ораторской прозе ломоносовское слово «является вершиной и одновременно концом традиции петербургской *laus urbium*»,⁵ однако вызывает недоумение его положение, что «*descriptio* города строится здесь на экфрасисе одного из его зданий»⁶ — здания Академии художеств, ведь само здание в слове вообще не описывается.⁷ Ломоносов отмечает удобство географического положения города, соединенного водными путями и с востоком, и с западом (здесь натура «на востоке распространяет великия через целое отечество реки для сообщения с дальними асийскими пределами», а «на западе разливается море, отверзая ход во все страны вечерния»), особенности климата («воздух движется ветрами по большей части с прилежащаго от Запада моря <...> для умягчения зимних морозов и для прохладения летняго зноя»), ландшафт, подходящий для строительства («ровную и низкую земли плоскость подстлала натура, как бы нарочно, для помещения гор рукотворенных <...> ибо хотя нет здесь натуральных возвышений, но здания огромныя вместо их восходят»), величественность зданий, которые выглядят, как «полки, поставленные урядными строениями», обилие «плавающих многочисленных судов разного рода», «скрытие и отверстие рек», оживление «от множества разных обывателей и гостей», «звучныя обучения полков и торжественных дней изъявление пальбою».⁸ Присутствует и сравнение со старой Москвой: «Она древностию благо-

⁴ Там же. С. 738.

⁵ Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф—идеология—риторика. М., 2009. С. 155.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ Каменное здание Академии художеств возведено в 1764—1788 гг. Ж.-Б. М. Валлен-Деламотом и А. Ф. Кокориновым (Мозговая Е. Б. Академии художеств здание // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. В 3 т. СПб.; М., 2003. Т. 1. Осьмнадцатое столетие. В 2 кн. Кн. 1: А—М. С. 37). Церемония посвящения (или инаугурации), во время которой происходила закладка будущего каменного здания Академии и освящение церкви во имя Иоанна Дамаскина, проходила еще в старом строении. Оно представляло собой три деревянных дома, объединенных общим фасадом и располагавшихся на месте, где впоследствии появилось творение Валлен-Деламота (см.: Богдан В. Инаугурация императорской Академии художеств // Юный художник. 1997. № 4. С. 38).

⁸ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 738—740.

роднее, сей новостью счастливее, чуднее скорым возвращением, основателем преславнее».⁹ По традиции, Ломоносов подчеркивает преемственность императорской власти, называя три ключевые фигуры русского XVIII века — Петра I, Елизавету Петровну и нынешнюю императрицу. Завершается речь обширной благодарностью Екатерине и пожеланием «процветания наук и художеств, украшения Российского престола, удивления вселенных, целостности и тишины всего отечества».¹⁰ Главным стилистическим приемом, на котором построен текст «Слова благодарственного», является излюбленная Ломоносовым амплификация, здесь встречаются обширные периоды, риторические вопросы, восклицания и иные риторические фигуры. Ломоносову не суждено было выступить со своей блестящей речью в день академического праздника, который был перенесен и состоялся уже после смерти Ломоносова.

Второе слово на инаугурацию Академии принадлежит А. П. Сумарокову, и с ним связано несколько загадок. Точно не известно, в каком году оно было написано. Ю. В. Стенник датировал его 1764 г.,¹¹ не приводя никаких оснований для такой датировки. В «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова, подготовленном Н. И. Новиковым, это произведение, озаглавленное «Слово на открытие Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств», даты не имеет.

В «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова и в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века» упомянуто об имеющемся отдельном издании сумароковского слова, вышедшем в 1765 г.¹² Однако в обоих справочниках отсутствует информация о тираже. Знакомство с оригиналом, единственный экземпляр которого сохранился в РГБ, показывает, что это не отдельное издание слова, а лишь его корректурный набор с собственноручной правкой Сумарокова.¹³ По-видимому, тираж издания сумароковского слова так и не был напечатан. В сохранившемся корректурном наборе слово имеет следующее заглавие: «Слово при освящении Санктпетбургской императорской Академии художеств / Во присутствии е. и. в. Екатерины

⁹ Там же. С. 739.

¹⁰ Там же. С. 742.

¹¹ Стенник Ю. В. Эстетическая мысль в России XVIII века // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 44.

¹² Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1905—1906. Ч. 4—5. С. 280. № 10809; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1966. Т. 3. С. 194. № 7041.

¹³ Благодарю Н. Ю. Алексееву, указавшую мне на это обстоятельство.

Вторья пред сонмом почтенных людей реченное господином Сумароковым оныя Академии почтенным членом в лето 1765 июня 28 дня». Возможно, отталкиваясь от этого заглавия, Н. Н. Булич писал о сумароковском слове: «Последнее было произнесено в присутствии императрицы. Содержание его замечательно по времени, когда было писано, и, может быть, это первые у нас печатные слова о значении в жизни государственной и домашней искусств, о том, что их развивает и что убивает». ¹⁴ Действительно, казалось бы, к заглавию «издания», подготовленного Академией наук, на титуле которого помещено высочайшее имя и дата произнесения, стоило бы отнестись с полным доверием. Однако это заглавие на самом деле вводит в заблуждение.

Во-первых, инаугурация Академии художеств, действительно изначально запланированная на 28 июня 1765 г., была перенесена на 7 июля. Из документов Совета Академии, находящихся в архиве Академии художеств, следует, что еще 25 июня Совет Академии планировал провести праздник 28 июня. ¹⁵ Однако, по-видимому, буквально накануне дата инаугурации была изменена императрицей. Известно, что дни с 18 по 30 июня Екатерина II провела с войсками лейб-гвардии на маневрах в Красном Селе. ¹⁶ возможно, маневры затянулись, и императрица решила отпраздновать годовщину своего восшествия на престол в Красном Селе, а не в Петербурге. 27 июня состоялось новое заседание Совета Академии, который постановил «назначенный день освящения академии, то есть 28-е число июня, установить эпохою академической, хотя ж по высочайшему соизволению ея императорского величества во образ сего дня повелено быть торжеству освящения академии и заложения при оной церкви июля 7-го дня, однако на медалях, жетонах и надписи <...> вырезать 28-е июня». ¹⁷ Таким образом, день 7 июля как бы символически повторял 28-е июня, день восшествия на престол императрицы Екатерины II.

¹⁴ Булич Н. Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854. С. 173—174.

¹⁵ «1765-го года июня 25-го дня в присутствии императорской академии художеств совета определено июня 28-го <...> быть освящению академии и заложению при оной церкви» (РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Ед. хр. 1565. Л. 22 об.).

¹⁶ См.: Описание лагеря, собранного под высочайшею ея императорского величества собственною командою при Красном Селе. Со объяснением, какие при том были намерения и что потому каждого дня достопамятного происходило. СПб., 1765.

¹⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Ед. хр. 1565. Л. 27.

Подготовленный реквизит для праздника отражал эту символическую дату: на камне «величиною в пропорции кирпича» с вырезанным на нем вензловым именем императрицы, на золотых и серебряных медалях, на жетонах¹⁸ была дата 28 июня 1765 г. Учитывая все вышперечисленное, неудивительно, что именно 28 июня неоднократно называлось исследователями как дата инаугурации Академии художеств. В частности, она фигурирует в юбилейном справочнике Императорской Академии художеств, составленном С. Н. Кондаковым.¹⁹

В газете «Санкт-Петербургские ведомости» находим заметку с реальной датой инаугурации: «Сего Июля 7 дня происходила с великолепною церемониею, в высочайшем присутствии ея императорского величества и его императорского высочества, государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, и при многочисленном собрании как придворных, так и других обоего пола знатных персон и любителей наук и художеств, также и чужеземных господ министров, инаугурация новоучрежденной на Васильевском острове императорской Академии художеств, с заложением при оной церкви».²⁰ В 60-м номере газеты (от 29 июля) содержится подробное описание церемонии.

Итак, дата, указанная на титульном листе корректурного набора слова А. П. Сумарокова, неверна. Но в заглавии есть и другая недостоверная информация. Дело в том, что А. П. Сумароков свое слово во время инаугурационного торжества вообще не произносил. Все сохранившиеся описания этого дня — и статья в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1765. № 60 от 29 июля), и пространное «Описание торжества инаугурации», опубликованное в 1864 г. П. Н. Петровым в «Сборнике материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования»,²¹ и «Определение Совета Академии о церемонии открытия Академии художеств», которое сохрани-

¹⁸ Описание торжества инаугурации или посвящения Императорской Академии трех знатнейших художеств живописи, скульптуры и архитектуры с воспитательным при оной училищем и с заложением при сем случае Академической церкви // Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. В 3 т. / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 105, 110.

¹⁹ Юбилейный справочник Императорской Академии художеств, 1764—1914. Часть историческая / Авт.-сост. С. Н. Кондаков. СПб., 1914. С. 11.

²⁰ Санкт-Петербургские ведомости. 1765. 19 июля. № 57.

²¹ Описание торжества инаугурации... С. 100—111.

лось в Архиве Академии художеств,²² — о выступлении Сумарокова не упоминают. Известно при этом, что Сумароков активно участвовал в подготовке праздника. Свои заслуги он сам подробно описал в письме И. И. Бецкому (июль 1768 г.), в котором жаловался на неблагодарность Академии по отношению к нему: «Я просил о медали, изобретенной мною ради Академии, не исчисляя моего труда в сочинении дипломов и прочего при освящении Академии. Так я не золотой прошу медали, хотя и такая мне как изобретателю ее по всем правам надлежит; но, чтобы копия осталась моего изобретения, просил я образчика на олове или на свинце. Мне без подписи письмо мое возвращено и без ответа, чего я принять не могу, ибо за труды свои пииты никогда так ни от какого места не награждались <...>. Разве то моя вина, что я вашему превосходительству был послушен, хотя к тому и должности моей не было. Секретарь Академии (А. М. Салтыков. — Е. М.) был от вас прислан, прося меня, чтобы я дипломы сделал и речь, чего я не добивался; да вы того хотели. Не чаю я, чтобы я моими трудами заслужил от Академии такое возмездие, и всяк, услыша о том, подивится».²³ Из текста этого письма следует, что Сумароков был автором текстов на медалях и в дипломах, которые вручались профессорам и академикам во время церемонии инаугурации, а также то, что речь была сочинена Сумароковым по просьбе президента Академии И. И. Бецкого.

Сведений о том, кем и почему «Слово» Сумарокова было исключено из программы торжества, пока обнаружить не удалось. Можно ограничиться лишь предположениями. Скорее всего, слово Сумарокова, написанное им по просьбе Бецкого, готовилось к публикации заранее, до 28 июня. Во всяком случае подготовка публикации слова с неточной датой и с указанием на то, что оно было произнесено «во присутствии е. и. в. Екатерины Вторыя пред сонмом почтенных людей», после дня инаугурации представляется абсолютно невозможной.²⁴ В качестве вероятной причины отказа от сумароковского слова может быть его тон, не подходящий для торжественной официальной церемонии. Следует отметить, что существует два варианта сумароковского слова:

²² РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Ед. хр. 1565. Л. 22 об.—26.

²³ Сумароков А. П. И. И. Бецкому. Июль 1768 // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 109.

²⁴ Проповедь Платона Левшина, приуроченная к дню инаугурации, была опубликована после 7 июля, в конце публикации была указана верная дата — «7 июля».

краткий (в корректурном наборе 1765 г.) и полный (опубликованный в новиковском собрании 1781 г. и почти без изменений напечатанный во втором издании 1787 г.). Наиболее резкие фрагменты слова в корректурный набор не попали — они сохранены только в полном варианте, опубликованном в Собрании сочинений. В качестве примера можно привести следующий фрагмент: «Низвергаемое ею (императрицей. — *Е. М.*) невежество <...> мурчит только противу тех, которые исполняют Ея волю, и покоясь на праздности, утешаем<o> не основательным самолюбием еще услаждается и <...> презирает достоинство, исторгающее у него клюку, на которой оно посреди почитателей своих опирается, употребляя оставшия свои силы ко слабому своему отомщению, и устремлением сим чая умножати извергаемые на достоинство свои яды, умножает муку свою <...> час от часу более приближаяся к отчаянию, влеком<o> ко праведному своему наказанию».²⁵ Содержится в расширенной редакции слова и выпад против И. И. Бецкого: «А ты правитель оныя Академии, начальствуя над нею, не мысли, что я тебе похвалу соплетати устремляюся: напрягаю сердце и разум мой ко единой ЕКАТЕРИНЕ, ко единому моему отечеству и к пользе рода человеческого! Не тебя похваляю; похваляю ЕКАТЕРИНУ, что Она тебя к сему избрала делу. Рекла: созидай человеков, и созидаешь».²⁶

Однако и в краткой редакции слова (в корректурном наборе 1765 г.) заметна импульсивность и резкость тона. Во-первых, обращает на себя внимание вообще характерное для ораторской прозы Сумарокова редуцированное панегирическое начало.²⁷ Заметен несколько неуважительный тон автора по отношению к императрице: в слове отсутствуют какие-либо элементы императорского титула (слова «Ваше Величество», «Ее Императорское величество»), она именуется просто «Екатерина», например: «Радуйся, Екатерина, что Ты сие полезное России основала училище».²⁸

²⁵ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе / Собраны и изданы Николаем Новиковым. 2-е изд. М., 1787. Ч. 2. С. 258.

²⁶ Там же. С. 264.

²⁷ См. о нем, в частности: Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века (панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009. С. 109—110, 116—117.

²⁸ Сумароков А. П. Слово при освящении Санктпетербургской императорской Академии художеств. Во присутствии е. и. в. Екатерины Вторья пред сонмом почтенных людей реченное господином Сумароковым оныя Академии почтенным членом в лето 1765 июня 28 дня. СПб., 1765. С. 10.

В последних словах речи фигура императрицы ставится на один уровень с учрежденной ею академией: «Радуйся, Екатерина, что Ты сие полезное России основала училище. Радуйтесь, Художества, что вы от Нея и основание и покровительство получили. Ея вами, Ею ваша возвеличится слава».²⁹ Встречаются здесь и просто грубые фрагменты. Например, рассуждая о хорошем и плохом воспитании, Сумароков пишет: «Одни великие души великие качества имеют, а хорошее воспитание и малые души в распорядке жизни великим душам уподобляет. Однако считают и говорят: пять и пять десять, другие повторяют то и то же и не считая говорят. А когда учителя скажут: пять и пять девять, редкой ученик выбьется из сих уз; а от того, что они бредят <...> и бред оный по большинству голосов ставят истиною, пренежая самое скотство».³⁰

Разумеется, слово Сумарокова подобными фрагментами не исчерпывается. Автор говорит и о многом другом, в частности, рассуждает о человеческой психологии (описывая преимущества изобразительных искусств перед историей и литературой, Сумароков заявляет: «Чувства наши сильняе мыслей наших»³¹). Присутствует в слове и образ Петербурга. Сумароков пророчески восклицает: «Узрят тебя, Петрополь, в ином виде потомки наши: будешь ты северный Рим <...>. Изобилие твое умножится, блага твои осушатся, проливы твои высокопарными украсятся зданьями. Тогда будешь ты вечными вратами Российской Империи и вечным обиталищем почтеннейших чад российских и вечным монументом Петру Первому и Второй Екатерине».³²

Сумароков, вероятно, был сильно обижен тем, что его слово, уже подготовленное к опубликованию, так и не прозвучало во время инаугурации Академии. Косвенным подтверждением этого может служить один эпизод, упоминаемый в «Записках С. А. Порошина». 8 июля 1765 г., т. е. на следующий день после академического праздника, в дневнике оставлена следующая за-

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Там же. С. 5. По словам Ю. В. Стенника, «в обосновании воспитательной роли искусства Сумароков <...> во многом исходит из сенсуалистского понимания природы человека, отдавая чувствам предпочтение перед логической силой отвлеченного разума» (*Стенник Ю. В. Эстетическая мысль в России XVIII века // XVIII век. Сб. 15. С. 44*).

³² *Сумароков А. П. Слово при освящении Санктпетербургской императорской Академии художеств... С. 4.*

пись: «В обед пришел Сумароков и сел. Говорил много о своей обиде».³³

Имеющиеся подробные описания инаугурационного праздника этого дня упоминают о двух прозвучавших речах — о проповеди иеромонаха Платона (Левшина) и о благодарственной речи, произнесенной конференц-секретарем А. М. Салтыковым.

Первой частью торжества в Академии стала церемония закладки Академической церкви. После церковной службы и церемонии заложения церкви, как свидетельствует «Описание торжества инаугурации», иеромонах Платон (Левшин) произнес проповедь.³⁴ Эта проповедь была опубликована отдельным изданием и озаглавлена «Слово при заложении Императорской Академии художеств и при ней церкви». В конце текста помещена приписка: «Сказывано в присутствии ея имп. величества и его имп. высочества придворным проповедником, его имп. высочества учителем иеромонахом Платоном 1765 года июля 7 дня». Год публикации (1765) на титульном листе отсутствует, он восстановлен на основании сведений архива Академии наук в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова и в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века».³⁵ В собрании поучительных слов архиепископа Платона (Т. 1. 1779) слово имеет двойной заголовок: «Слово о воспитании. При заложении императорской Академии художеств и при ней церкви».³⁶

³³ Порошин С. А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича. (Неизданная тетрадь Записок С. А. Порошина). 1765 год // Русский архив. М., 1869. № 1. С. 58 (2 паг.).

³⁴ Описание торжества инаугурации... С. 108.

³⁵ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. 4—5. С. 257. № 10809; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. М., 1964. Т. 2. С. 427. № 5370. П. Н. Петров приводит другую дату публикации: «Проповедь, говоренная Платоном, тоже была напечатана Академиею, но уже в 1766 году, в количестве 600 экземпляров, как видно из счета типографии Академии Наук 25 января 1767 года (Л. 17 на обороте. Дело 1769 г. № 15). За печатание ея заплачено 18 р. 98 к.» (Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Т. 1. С. 769).

³⁶ Платон (Левшин). Слово о воспитании. При заложении императорской Академии художеств и при ней церкви // Поучительныя слова при высочайшем дворе е. и. в. <...> государыни Екатерины Алексеевны <...> и в других местах с 1763 года по 1778 год сказыванныя его имп. высочества учителем и придворным проповедником, преосвященнейшим Платоном, архиепископом Московским и Калужским и Святоотроицкия Сергиевы лавры священо-архимандритом. М., 1779. Т. 1. С. 341.

Действительно, тема воспитания — главная в этом произведении, в котором в целом доминирует дидактическое начало. Проповедник рассуждает о добродетели, приобретение которой есть цель учреждения Академии, о детском и юношеском подражании старшим, о необходимости доброго примера для них, о пользе художеств, «которые не допускают до душевного расслабления».³⁷ Финальная часть проповеди представляет собой небольшой по объему панегирик Екатерине. Автор восклицает: «Но почто много говорить мне о воспитании, и слушателей моих утруждать речию о том, чего они видят пред своими очами самую вещь? Никто столь совершенно не понимает пользу воспитания, сколько ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, дражайшая Всероссийская Матерь! ибо что мы говорили о воспитании словом, то ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО исполнили самым делом».³⁸

По окончании проповеди императрица проследовала в конференц-зал, в котором началась вторая — уже сугубо светская — часть инаугурации. Конференц-секретарь Салтыков прочел вслух текст Привилегии, затем профессорам Академии были вручены дипломы. После этого, как отмечено в «Описании торжества инаугурации», «конференц-секретарь от всей академии говорил ей императорскому величеству краткую благодарственную речь, которая особливо напечатана».³⁹ Начинается речь с темы восшествия на престол императрицы, которое, как уже отмечалось выше, символически соединилось с академическим инаугурационным праздником: «Всемиловитейшая государыня! Вспоминая день преславного вашего величества восшествия на всероссийский престол, празднуем ныне с веселием премудрейшее вашего величества новое еще установление».⁴⁰ По словам Л. Б. Модзалевского, речь, произнесенная Салтыковым, «содержит в себе восхваление императрицы и ее мудрого царствования, а также рассуждения о пользе наук и художеств, писанные обычным для того времени тяжеловесным и напыщенным языком торжествен-

³⁷ Платон (Левшин). Слово при заложении Императорской Академии художеств и при ней церкви. [СПб., 1765]. С. 9.

³⁸ Там же. С. 10.

³⁹ Описание торжества инаугурации... С. 109.

⁴⁰ Речь, которою Академия художеств при своей инаугурации ей величеству Екатерине Второй императрице и самодержице всероссийской всемиловитейшей основательнице и покровительнице всеподданнейшее приносит благодарение / Говоренная той же Академии конференц-секретарем Александром Салтыковым. [СПб.], 1765. С. 3—4.

ных панегиристов».⁴¹ Действительно, из всех четырех речей на инаугурацию Академии эта речь является наиболее панегирически приторной. В ней можно обнаружить, например, такие пассажи: «Всемиловитейшая государыня, сие установленное Вами учреждение, кроме ожидаемого от него потомками блаженства в Империи Вашей, поставит и Вам, сверх желания Вашего изощренными своими руками неувядаемые навеки монументы премудрого Вашего царствования».⁴²

Речь, произнесенная Салтыковым, была издана отдельной брошюрой в типографии Академии наук под следующим названием: «Речь, которою Академия художеств при своей инаугурации ея величеству Екатерине Второй императрице и самодержице всероссийской всемиловитейшей основательнице и покровительнице всеподданнейшее приносит благодарение, / Говоренная той же Академии конференц-секретарем Александром Салтыковым». Среди бумаг Академии художеств и канцелярии Академии наук содержатся документы, из которых ясно, что речь была опубликована вскоре после дня инаугурации. Совет Академии художеств 8 июля отослал сообщение в канцелярию Академии наук «о напечатании на александрийской бумаге речей пятисот экземпляров, да на простой тож число».⁴³ 19 июля в Канцелярию Академии наук из типографии был отправлен «репорт» о напечатании тиража.⁴⁴

⁴¹ Модзалевский Л. Б. Конференц-секретарь Академии художеств А. М. Салтыков. Биографический очерк // Русская академическая художественная школа в XVIII веке. (Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 123). М.; Л., 1934. С. 96.

⁴² Речь, которою Академия художеств при своей инаугурации... С. 8.

⁴³ РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Ед. хр. 1565. Л. 28 об. Впрочем, есть основания предполагать, что какое-то количество экземпляров речи было напечатано к 7 июля или сразу после 7 июля. В «Описании торжества инаугурации» отмечается, что Академия после 7 июля «для удовольствия всеи публики отворена была на восемь дней с утра до вечера» и «на конференц же стол прибавлено было <...> для чтения всем привилегия и устав, напечатанные на русском и французском языках, Генеральное Учреждение о воспитании обоего пола юношества гравированное, речь, говоренная пред ея императорским величеством, медали золотая и серебряная, жатоны золотой и серебряный, сделанные на случай сего достославнаго торжества» (Описание торжества инаугурации... С. 110).

⁴⁴ «Для <...> Академии Художеств к публичному Ея торжеству ответственной Ея Императорскому величеству на российском языке речи, которая набором учинила один лист с четвертью <...>. Печатано пять сот экземпляров на <...> Александрийской бумаге да на здешней Академической <...> пять сот экземпляров» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп.1. Ед. хр. 291. Л. 140—

Кто был автором речи, произнесенной Салтыковым в день инаугурации Академии? В «Каталоге книг гражданской печати XVIII века» указано, что автором был сам конференц-секретарь,⁴⁵ хотя никаких доказательств этого не приведено. В «Словаре русских писателей XVIII века» речь атрибутирована Сумарокову.⁴⁶ Эта версия сразу вызывает сомнения — ведь известно, что Сумароков написал другое слово для инаугурационного праздника. На этот факт обращает особое внимание в своих примечаниях к «Сборнику материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств» П. Н. Петров: «Сумароков был человек случайный, нужный, и мог оказывать своего рода услуги, например, писал речи, произносимые в торжественных случаях. Так, ему принадлежит речь, но не та, которая произнесена конференц-секретарем Академии в торжественный день 7-го Июля 1765 г.»⁴⁷ Ответ на вопрос об авторстве дают материалы архива Академии художеств. В определении Совета Академии от 4 июля удалось обнаружить следующую запись: «В Академию наук написать о напечатании осьмисот пятидесяти экземпляров французских, да пятисот русских академических привилегии с уставом, и пятисот экземпляров речи, сочиненной нарочно для сего дня его превосходительством действительным статским советником Григорием Николаевичем Тепловым, которую конференц-секретарю следует говорить в присутствии ея императорского величества».⁴⁸

140 об.). Эта запись позволяет уточнить тираж речи: в «Сводном каталоге» указан тираж 500 экз. (Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 3. С. 83. № 6261).

⁴⁵ В материалах архива Академии наук (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп.1. Ед. хр. 291. Л. 140—145) и в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова (*Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Ч. 4—5. С. 223. № 10068*) автор не указан — указано только то, что Салтыков это слово произнес.

⁴⁶ См.: *Елизарова Е. М., Собко Н. П.* Салтыков Александр Михайлович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 2010. Вып. 3: Р—Я. С. 86. В статье словаря указано, что Салтыков лишь перевел приветственную речь на французский язык (там же). Два французских варианта этой речи опубликованы в примечаниях П. Н. Петрова (*Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Т. 1. С. 776—782.*

⁴⁷ *Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. Т. 1. С. 631, 632.*

⁴⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Ед. хр. 1565. Л. 28.

То, что Теплов был автором речи, произнесенной Салтыковым, неудивительно.⁴⁹ В 1764 г. он был избран почетным членом Академии художеств.⁵⁰ В примечаниях П. Н. Петрова сообщается, что он участвовал в разработке первоначального варианта церемонии инаугурации Академии, которая должна была состояться в 1764 г. Петров приводит документ 1764 г., найденный им в Государственном архиве, который называется «Церемония наблюдаемая при заложении новаго для Академии Художеств строения» с поправками руки Теплова,⁵¹ а также проект жетона для праздника — «весь писанный рукою Теплова».⁵² Кроме того, сохранилось письмо сестры Д. И. Фонвизина, Ф. И. Аргамаковой-Фонвизиной, в котором сообщается, что ее муж (В. А. Аргамаков) и брат (Д. И. Фонвизин) присутствовали на празднике в Академии; в письме упомянуто, что в ходе праздника исполнялись («пелись») стихи Теплова.⁵³

Подводя итоги, отметим, что выявленные в настоящей статье обстоятельства подготовки и проведения инаугурации Академии художеств позволяют заострить внимание как минимум на двух общих вопросах бытования русской ораторской прозы XVIII в.

⁴⁹ Известно, что Теплов переводил с латинского в Академии наук речи Г. В. Крафта и И. Вейтбрехта. Вероятно, ему принадлежал текст речи К. Г. Разумовского, которая была произнесена последним при вступлении в должность президента Академии наук (*Кочеткова Н. Д.* Теплов Григорий Николаевич // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 3. СПб., 2010. С. 232).

⁵⁰ Там же. С. 231.

⁵¹ Сборник материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 765.

⁵² Там же. С. 766.

⁵³ *Кочеткова Н. Д.* Теплов Григорий Николаевич. СПб., 2010. С. 233. Ф. И. Аргамакова-Фонвизина пишет: «Стихов братцовых в академии не пели, а пели стихи Теплова, которые очень дурны перед братцовыми. Елагин сказал братцу: „пожалуй оставь, пускай Теплов дурачится”» (Письмо сестры Фонвизина <родителям> // Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1866. С. 379). В этом же письме упомянут и А. П. Сумароков: «Братец поехал <в Академию художеств> несколько и для того, что, думаю, хор академии будет петь его похвальные государыне стихи, которые велел ему сделать Елагин, для того чтоб отдать назад Сумарокову присланные в академию стихи, которые сочинил он очень дурно» (Там же. С. 378). В «Описании инаугурации» упоминается о «хоре вокальной и инструментальной музыки» — следующем после речи конференц-секретаря «дивертисменте» церемонии (Описание торжества инаугурации... С. 109).

Во-первых, как показывает пример слова Сумарокова, возможны случаи, когда окказиональное ораторское произведение готовится к изданию заранее, до мероприятия, к которому оно приурочено, а потом само мероприятие переносится и меняется состав его участников. В таких случаях информация на титульном листе слова (в данном случае — на титульном листе корректурного экземпляра) может ввести исследователей в заблуждение. Во-вторых, в русской ораторской прозе XVIII в. встречаются случаи, когда автором ораторского произведения был один человек, а произносил другой. Одним из подобных примеров является одно сочинение А. П. Сумарокова — «Слово на заложение Кремлевского дворца» (1773). В конце слова, опубликованного Н. И. Новиковым в Полном собрании сочинений Сумарокова, помещена приписка, в которой сообщается, что речь была произнесена архитектором Василием Ивановичем Баженовым. При отсутствии же подобных приписок, как показал пример рассмотренной речи Салтыкова—Теплова, атрибутировать ораторское произведение только на основании имеющейся информации об «исполнителе» невозможно.